

УДК 821.161.1.09

ПОЛИНА ШУЛЫК

г. Камянец-Подольский

shulyk.polina@kpnu.edu.ua

КИББУЦ ИЛИ РЕЛИГИОЗНАЯ ОБЩИНА: МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО РАВНОПРАВИА В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье исследуется творчество израильских писательниц, в котором отразилось мировоззрение отдельных групп израильского. В центре внимания произведения, в которых поднимаются вопросы сохранения или потери женской первозданности в условиях специфических для Израиля коллективов – киббуца, в котором равенство с мужчинами отбирает у женщины право на женственность и ультраортодоксальной общины, которая определяет женщине роль второго плану. Для свободного проявления своей натуры женщине необходимо выйти за пределы закрытого коллектива, который контролирует и руководит ее жизнью.

Ключевые слова: женская литература, киббуц, библейская традиция, ультраортодоксальная община, феминизм, мизогинизм.

Если творчество отдельных израильских писательниц периодически оказывается в центре внимания как зарубежных, так и собственно израильских литературоведов, то женская израильская литература как явление еще не стала предметом серьезного исследования, хотя авторы литературно-критических обзоров отводят ей почетное место в современном литературном процессе [6, 23]. Несмотря на феминистский налет западной традиции, в произведениях израильских писательниц проступает тоска по женской первозданности, всеобъемлющий даже тотальный характер которой в израильской литературе обусловлен национально-исторической спецификой.

Одной из особенностей феномена женской израильской литературы является то, что в ней своеобразно и ярко представлено мировоззрение отдельных групп израильского общества. В произведениях израильских писательниц причины утраты первозданности напрямую связываются с традицией и специфическими условностями определенного коллектива.

Многовековая традиция еврейского народа, закреплённая в библейских и талмудических текстах утверждает патриархальные стереотипы, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий – женщин.

Раскол традиционного мировоззрения в эпоху еврейского Просвещения с ее идеями

равенства не коснулся судьбы женщины. И только идеи социализма смогли создать иллюзию равенства всех народов, национальностей и полов. В еврейской истории ярким и крайним воплощением этих идей становится специфический коллектив – киббуц, где все наравне – мужчины и женщины – одержимы социалистическим идеалом и единой целью: трудиться на святой земле и жить сообща. Именно об этом киббуцианская литература *поколения Пальмаха*, пронизанная идеологией общей жизни, общего труда, общего долга. Конфликт индивидуального начала с коллективистским становится ведущим в творчестве писателей *поколения Государства*. Критика киббуцных порядков вкладывается в уста слабого пола – женщин. Женщины протестуют против дарованного им киббуцем долгожданного равноправия, призванного в реальности нивелировать не только человека как личность, но и женщину как женщину. Амос Оз пишет:

«Киббуц с самого начала повел себя пренебрежительно по отношению к женщинам и, почти не зная исключений, вытесняет их в сферу обслуживания: им оставляют готовку, уборку, работу с детьми, стирку, глажку и шитье. Женщины у нас обрели полное равенство с мужчинами, но это равенство им дается при условии, что все их поведение и внешний вид уподобятся мужчинам: им запрещено делать макияж и красить губы и положено искоренять в себе все женские повадки» [Цит. по 3].

В женской литературе этого периода киббуц становится воплощением коллектива, в условиях которого задекларированное равноправие полов отбирает у женщины право на женственность. Об этом и произведения Наоми Френкель, прожившей в киббуце немалую часть своей жизни, в частности роман «Ваш дядя и друг Соломон...» [7]. Безумное чувство героини произведения замужней красавицы Адак к любовнику Рани как будто оправдывает название романа в оригинале – «Доди вэ реи». Это, по сути, парафраз фрагмента шестнадцатого стиха пятой главы библейской книги «Песнь Песней»: «...зэ доди вэ зэ реи, бнот ирушалаим», «...вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалима». Переводчик сглаживает чувственность названия – «Ваш дядя и друг Соломон...», но указка на эпистолярность жанра подчеркивает, что в центре романа остаются чувства и внутренний мир героев. Каждое письмо – отдельный рассказ, разомкнутый в бесконечность событий, чувств, переживаний, о которых речь пойдет в последующих письмах. Связующим ядром романа становится исповедь старожилы киббуца Соломона (аллюзия на библейский образ очевидна), пытающего с помощью писем распутать сложные отношения близких ему людей, уже сложившиеся в очевидный всем любовный треугольник: *Адак, его племянница и приемная дочь – Мойшеле, муж Адак, сын его друга и его приемный сын – Рами, любовник Адак и друг Мойшеле*. Но он сам, бывший ответственный работник, один из руководителей киббуца, мудрый Соломон, вынужден в своей исповеди признать беспомощность перед собственными чувствами, с которыми прожил всю жизнь, но в которых не смел признаться в специфической среде киббуца с его понятиями о коллективной жизни, бесцеремонно вторгающейся в личную жизнь индивида. Две женщины в его любовном треугольнике – жертвы этих понятий. Жена Амалия – друг (показательно, что хавер киббуц (член киббуца) дословно переводится как друг киббуца), помощник, но не любимая. Их женитьба – результат ее преследований: Их семья, живущая, благодаря стараниям Амалии, по законам киббуца, по распоряжению,

введенному Амалией, по будильнику, драгоценному для Амалии и такому ненавистному Соломону, была образцом для окружающих. Киббуц вытравил из Амалии женскую первозданность, превратил в выносливого, преданного, готового к самопожертвованию *хавер киббуца*. У нее было все: муж, работа, семья, приемные дети (сама Амалия не могла родить), но не было той любви и страсти, для которой не имеют значение закрыты ли во время близости с мужчиной окна, задернуты ли занавески. К счастью, она так и не узнала, что в этот момент ее муж мечтал о незнакомке, написавшей ему полное страсти и любви письмо: «Соломон, любимый мой...» [7, 15]. Условности коллектива не позволили женщине открыть свое имя, а Соломону попытаться отыскать ее. Так и жил он: наяву – с одной, которую называл «добрый женой»; в мечтах – с другой, «полевой птичкой», «заклученной лишь в клетку... души» [7, 23]. Но если любовный треугольник Соломона скорее виртуальный, судьбы его родного брата и близкого друга в реальный треугольник – *Эвимелех – Мария – Йосеф* – соединяет любовь к одной женщине. Два треугольника – *Мойшеле – Адак – Рами / Эвимелех – Мария – Йосеф* – симметричны друг другу. Симметрию обеспечивают: а) родственные отношения: Мойшеле – сын Эвимелеха, Адак – дочь Марии и Йосефа (снова библейский след); б) поведение мужчин, предоставившим право выбора женщине; в) дружба между мужчинами, будущими соперниками; г) чувства женщин, разрывающихся между двумя мужчинами: Мария выходит замуж за Йосефа, но всю жизнь с тоской, нежностью и болью вспоминает Эвимелеха; Адак выходит замуж за Мойшеле, но сходит с ума от любви к Рами.

Чувства героев, как и их поступки, настолько неоднозначны, что кажется писательница тестирует читателя на знание женской психологии, не заботясь о сущности тех ассоциаций, которые у него могут возникнуть. Возможно, потому, что эти ассоциации уже запрограммированы киббуцными порядками? А может потому, что уже в самом начале в письме Соломона дает читателю подсказку, сравнивая свою неизвестную возлюбленную

с птицей: «Где-то ты живешь, полевая моя птичка...живешь на воле, заключенная лишь в клетку моей души» [7, 23]. Не вписывающаяся в нивелирующую жизнь киббуца яркая красавица Мария оказалась в тройной клетке (киббуц, любовный треугольник, семья), каждая из которых последовательно отбирала у нее право на свободу чувств. Птичка оказалась в клетке не своей любви. Возле нее не оказалось того любящего, кто мог бы дать ей свободу и возможность выбора (выбор в пользу Эвимелеха не изменил бы судьбу Марии), а сама она оказалась слишком слабой для самостоятельных решений.

Ее дочь Адас бежит из семейной клетки своих родителей в киббуц, который кажется ей олицетворением свободы и искренности. Избежавшая воспитания в киббуцном интернате, не испорченная жизнью среди женщин, получивших в обмен на женское счастье право принимать участие в общественной жизни, работать наравне с мужчинами, она надеется найти здесь не только счастье, потерянное ее родителями. Но киббуц может предложить лишь два варианта женской судьбы – Амалии и неизвестной возлюбленной дяди Соломона, которые автор представляет в самом начале. Появившаяся позже исповедь-письмо Адас убеждает: девушка попадает в киббуц не для того, чтобы оказаться в тисках киббуцных порядков, хотя и рискует оказаться жертвой диктата коллектива, выйдя замуж за Мойше-ле, покорившись желанию окружающих (или влиянию романтической истории отношений ее родителей и Эвимелеха?). В свое время это уже произошло с ее матерью. Но рядом с Адас оказались мужчины, которые заключив ее лишь в «клетку души», предоставили женщине право выбора. Испытания, выпавшие на ее долю, помогли ей выстоять и ощутить свою истинную природу – природу дикого и свободного существа, но не обрести власть над собственной жизнью. Она бросает вызов киббуцу, его беспощадной жестокости ко всему личному, индивидуальному, особенному, ранимому, но только счастливой от этого не становится. Возможно, еще и потому, что воспитанная киббуцем, она утратила инстинкт материнства, который способен помочь женщине понять сущность счастья.

Любой коллектив создан для разрушения первозданности женщины, даже тот, где казалось бы есть все условия для того, чтобы женщина оставалась женщиной и выполняла свое предназначение. В израильском обществе такой специфический коллектив – религиозная община. Непростой женской судьбе в мире ультраортодоксов посвящено небольшое количество художественных произведений, авторы которых в основном женщины, знающие эту жизнь изнутри. В большинстве случаев их книги производят взрывной эффект в обществе, где на изображение жизни и проблем ультраортодоксальной общины наложено негласное табу. В последнее время они теряют черты маргинальности, приобретая особенности, хотя и нового, но естественного для израильской культуры явления.

Предпосылками для этого становятся как непростые процессы, определяющие отношения религии и государства Израиль, так и феминистское движение, своеобразно повлиявшее на традиционное мировоззрение. Следует отметить неоднозначность этого влияния. С одной стороны, можно говорить о появлении «феминистской критики иудаизма», с другой – о возникновении религиозного (ортодоксального и неортодоксального) феминизма. Все эти предпосылки раскрепостили писательниц и позволили вслух заговорить о жизни женщины в коллективе, где она, вынужденная или сознательная праведница, выполняет предназначение, которое определил для них маскулиный мир. Светских авторов в жизни ортодоксов интересует – оправдывают ли главную цель жизни средства ее достижения и условия существования в религиозной общине. В центре внимания оказывается внешняя сторона. Другое дело писатели, которые знают жизнь ультраортодоксальной общины изнутри. Обогащенные опытом дважды «избранной» (принадлежать избранному на безоговорочное выполнение 613 божьих заповедей народу и избранной на безмолвное выполнение придуманного для нее частью этого народа женского предназначения), писательницы стремятся создать образ свободной женщины, верящей в Бога и уверенной в своих человеческих и женских правах. А это прямой путь к феминистской

критике иудаизма. Произведения писательниц из мира харедим, ощутивших на себе тиранию традиции, – вызов религиозному фундаментализму, определившему женщине роль второго плана, но вызов не лишенный феминистского налета. В то же время очевидный успех книг обусловлен не только необычностью темы, но и отсутствием заманчивой феминистской заангажированности. Можно сказать, что их творчество определяют существующие в раввинистической литературе две, если следовать выводам Таль Илан, параллельные традиции: «одна видит в женщине субъекта действия, повышает ее статус, позволяет ей исполнять заповеди и иметь права, другая — из тех же сюжетов женщину вытесняет, оценку ее понижает, роль нивелирует» [1]. Но в мире ультраортодоксов в целом правит андроцентричная, патриархальная и мизогинистичная традиция, потому основной темой произведений этих писательниц остается тяжёлая женская доля в мире харедим.

Творчество Наоми Раган (Раген) наиболее показательно в этом отношении, и тем, что писательница знает весь спектр проблем, разрывающий мир харедим изнутри, и тем, что почти не изменяет избранной теме и пишет в жанре «дамского романа». Женская судьба представлена в ее книгах разнопланово. Сначала добродетельные героини страдают от условностей и жестокости религиозного мира и непробиваемости мужчин («Дочь Ифтахы» «Jephthe's Daughter», 1989), подвергаются соблазну («Блудница» – «Sotah» (Cota), 1992), насилию («Жертвоприношение Тамар» – The Sacrifice of Tamar, 1995), но не теряют своей добродетели. По мере осмысления женской доли писательница отказывается от стандартного образа праведной жены. В ее романе «Субботняя жена» (The Saturday Wife, 2007) – жесткой сатире, переходящей в гротеск, на мир харедим – главная героиня Далила, имя которой в еврейском сознании обречено на негатив, возникает ощущение, что писательница определенно сочувствует своей героине, далекой от добропорядочности и нравственности. Далила, глупая, лживая, недобродетельная, привлекательна своим стремлением прорваться сквозь тоталь-

ный контроль религиозных предписаний и самостоятельно решить свою судьбу. В пьесе «Миньян нашим» («Женский миньян» – «Women's Minyan», 2001) Наоми Раген более решительна, почти как ее героиня, сумевшая вырваться за пределы бесправного для нее мира религиозной общины, где чувства женщины унижены, раздавлены, оскорблены многочисленными изменами «благочестивого» мужа, способного вступить в связь даже с мальчиками и совершить насилие над собственной сестрой, где ее представления о честности разрушены тем же мужем, обокравшем и ее, и ее подругу, где ее лишают статуса матери и запрещают общаться с детьми, уже считающими ее преступницей и грешницей. Писательница уже в предыдущих романах оказывается перед опасностью потерять необходимое для разрабатываемой темы равновесие между правдой, художественным вымыслом и конъюнктурой, но умело лавирует между ними. Здесь же, видимо, поддавшись конъюнктурному соблазну, на угоду феминизму Раген наполняет пьесу не просто рассказами о страданиях религиозных женщин, а ужасами, нагромождение которых вызывает неприятное ощущение искусственности, не имеющей ничего общего с художественным вымыслом. Сама постановка пьесы, с одной стороны, способствует этому [9], с другой стороны – спасает произведение («Актрисы играют замечательно, постановка и декорации хорошие») [9], неоднозначно воспринятое и критиками, и зрителями [9].

Несмотря на неоднозначность восприятия пьесы, она позволяет увидеть изменения, произошедшие в сознании и положении женщины. Безусловно, современный иудаизм, максимально мизогинистичен, но именно он своими предписаниями открыл путь феминизму в религиозной среде, увеличивая обязанности женщин. Ортодоксальные раввины после образования государства Израиль ограничили обязанности мужчин изучением Торы: «Изучающий Тору – снимают с него ярмо (власти) царства и ярмо (власти) общества» [8]. Женщинам остается работать и обеспечивать семью и мужчин. Чтобы работать, надо было осваивать профессии, учиться. И возникает парадоксальная ситуация –

ультраортодоксальные женщины стали образованней мужчин. Более того, они и физически намного сильнее и выносливее «сильного пола». Ведь они тянут на себе домашнее хозяйство, воспитывают детей, работают, часто – полный день и т.д. Героиня пьесы Наоми Френкель, посвятившая свою жизнь борьбе за выживание семьи в прямом и переносном смысле, интеллектуально и морально выше своего эгоистичного и деспотичного мужа. Она заявляет о своем праве матери, дарованном ей свыше, предопределенном религиозными законами и защищенном гражданскими правами. Само название произведения – уже вызов мизогинизму ультраортодоксального мира. *Миньян нашим* – женский миньян. *Миньян* – это группа молящихся вместе взрослых евреев (исключительно мужчин) числом не менее десяти. Как видим, по определению женского миньяна быть не может. Но очевидное нагнетание ситуации (от названия к впечатляющему прологу [См. 5], а затем нагромождению все ужесточающихся преступлений мужа), хотя и оправдано поставленной писательницей целью и отвечает задачам радикального феминизма, воспринимается как явный феминистский перебор.

В религиозном мире не все так однозначно. Например, в «национально-религиозном лагере нравы куда современнее, чем у ультраортодоксов» [2]. В этой среде действует особая модель израильского феминизма, которая предполагает социальную востребованность и активность женщин при условии сохранения предписанного Торой образа жизни – выполнения роли жены, матери большого семейства, преданного законам иудаизма. Благодаря израильскому законодательству, неплохому образованию в религиозных школах для девочек, возможности получить высшее образование и в дальнейшем работать по специальности, «социальная активность женщин не вступает в противоречие с традиционным жизненным укладом» [4, 50]. При всем том «для многих ортодоксов замужество – главный, а то и единственный критерий женской состоятельности» [2]. Не удивительно, что на устройстве личной жизни в национально-религиозном обществе сосредоточено внимание писатель-

ниц, которые сами принадлежат к этой среде. Поисками семейного счастья озабочены героини книги Рахель Лэнгфорд «Разыскивается принц на белом коне» и Софьи Рон-Мория «Десятый жених».

В своих произведениях писательницы прямо (Софья Рон-Мория, Рахель Лэнгфорд) или опосредованного (Наоми Раген) говорят о возможности сочетания феминистского мировоззрения с патриархальным жизненным укладом и соблюдением религиозных традиций, тем более что это образ их жизни. Сквозь феминистские выпады, направленные против мизогинизма ультраортодоксального мира, в произведениях ясно проступает главная цель женщины – выйти замуж: она хочет уютный дом и много детей. Патриархальная религиозная традиция готова предоставить ей все это в обмен на свободу проявления женского и шире – человеческого Я, установив диктат над личностью, утвердив тотальный контроль над частной сферой: организацией замужества, репродуктивной сферой, воспитанием детей, гендерными отношениями (произведения Наоми Раген).

Религиозный коллектив, утверждающий незыблемость семейных устоев, на первый взгляд, поддерживает в женщине то, что в ней заложено изначально – ее заботу о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом, но на самом деле разрушает эту первозданность, установив тотальный контроль и строгую регламентацию ее жизни, опутав непосильным грузом предписаний, лишаящим ее права свободно развивать в себе дарованную ей свыше женскую природу. Именно этот аспект становится центральным в произведениях израильских писательниц, потому что женская природа (и психологически, и физиологически) – в способности давать жизнь и в способности любить. Для свободного ее проявления женщине остается только вырваться за пределы закрытого коллектива (киббуца или религиозной общины), контролирующего и регламентирующего ее жизнь.

Список использованных источников

1. Гарт Д. Женщина в неблагоприятных дискурсивных обстоятельствах [Электронный ресурс] / Давид Гарт. — Режим доступа : <http://booknik.ru/ideas/all/jenshchina-v-neblagopriyatnyh-diskursivnyh-obstoyatelstvah/>.

2. Карпова М., Левин Е. Уж. Замуж. Невтерпеж [Электронный ресурс] / Марина Карпова, Евгений Левин. — Режим доступа : <http://booknik.ru/reviews/fiction/uj-zamuj-nevterpej/>.
3. Копельман З. Почему щемит сердце? [Электронный ресурс] / Зоя Копельман // Лехайм. ¾ Март 2013, Адар 5773. ¾ № 3 (251). ¾ Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/251/kopelman.htm>.
4. Овчинникова И. Г. Особенности феминизма в Израиле: политика, культура, язык / Ирина Германовна Овчинникова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Вып. 5 (11) — 2010. — С. 48—57.
5. Пьеса Наоми Раген «Миньян женщин» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.machanaim.org/wp_blog/pesa-naomi-ragen-minyan-zhenshhin/.
6. Римон Елена. Израильский рассказ – здесь и сейчас / Елена Римон // Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. — Иерусалим : Библиотека ¾ Алия, 2002. ¾ С. 13—24.
7. Френкель Наоми. «Ваш дядя и друг Соломон...»: Роман / Н. Френкель; Пер. с иврита Э. Баух. — Тель-Авив; Москва : Олимп, Сиван, Книга-Сэфер, 2006. — 300 с.
8. Шендерович Хана. Бунт ультраортодоксальных феминисток [Электронный ресурс] / Хана Шендерович. — Режим доступа : <http://relevantinfo.co.il/бунт-ультраортодоксальных-феминисто/>.
9. Энтова Ася. Ворчание Иа-иа по поводу подарков ко дню рождения [Электронный ресурс] / Ася Энтова. — Режим доступа : <http://asya.rjews.net/raznoe/041014-teatr.shtml>.

POLINA SHULYK

Kamianets-Podilsky

KIBBUTZ OR RELIGIOUS COMMUNITY: MODELS OF WOMEN'S EQUALITY IN ISRAELI FEMALE LITERATURE

The article deals with the works of Jewish women writers which reflect the outlook and ideas of some Israeli social groups. On the focus there are the works where the issue of women's virginity in conditions of kibbutz is of great importance. The equal rights with men deprive women of their right to womanliness in that ultra Orthodox community and give them secondary roles. To reveal her nature a woman should cross the boundaries of a closed community that controls and dictates her life.

Key words: women's literature, kibbutz, Bible tradition, ultra Orthodox community, feminism, misogyny.

ПОЛІНА ШУЛИК

м. Кам'янець-Подільський

КІББУЦ АБО РЕЛІГІЙНА ГРОМАДА: МОДЕЛІ ЖІНОЧОЇ РІВНОПРАВНОСТІ В ІЗРАЇЛЬСЬКІЙ ЖІНОЧІЙ ЛІТЕРАТУРІ

У статті досліджується творчість ізраїльських письменниць, де відбився світогляд окремих груп ізраїльського суспільства. У центрі уваги твори, де піднімається питання збереження чи втрати жіночої первозданності в умовах специфічних для Ізраїлю колективів – кібуца, в якому рівність з чоловіками відбирає в жінки право на жіночість та ультраортодоксальної общини, що визначає жінці роль другого плану. Для вільного прояву своєї природи жінці необхідно вийти за межі закритого колективу, що контролює і керує її життям.

Ключові слова: жіноча література, кібуц, біблійна традиція, ультраортодоксальна община, фемінізм, мізогінізм.

Стаття надійшла до редколегії 19.10.2017